

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

© 1991 г., СЭ, № 3

П. Скальник

ПОНЯТИЕ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА» В ЗАПАДНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Концепция политической системы (ПС) была введена в антропологию и этнологию британскими социальными антропологами. Начиная с выхода в свет книги «Африканские политические системы»¹, политические антропологи, работающие в русле британской структурно-функциональной школы² и находящиеся под влиянием политической антропологии Макса Вебера, описывали и анализировали политическую деятельность и власть в «примитивных», «архаических», «традиционных» или «племенных» обществах с точки зрения особых функций, структур, процессов и способов их внешнего выражения в обществе в целом. Саму концепцию системы они заимствовали из физиологии³, где организм как биологическая система рассматривался в качестве гомеостатического целого, потребляющего и отдающего энергию.

Прежде предполагали, что системы имеют четкие границы и характеризуются в большей степени своей структурой, нежели поведением или происходящими в них процессами. Иначе говоря, в рамках единой социальной системы, ПС представлялась относительно автономной подсистемой наряду с такими, как экономическая, религиозная или система родства. Такое понимание ПС получило распространение также в социологии⁴ и политических науках⁵. Тем самым поначалу главной целью исследователей был сравнительный анализ политических систем во всемирном масштабе для выявления каких-либо общих законов их развития⁶.

ПС рассматривали как ту часть социальной системы, которая позволяет обществу функционировать нормально и в определенном балансе со средой, т. е. речь шла как о внутренней безопасности людей, вещей и духовных ценностей того или иного общества, так и о внешней. Этот акцент на безопасность, предполагающий как защиту общества, так и наличие какой-либо угрозы для него, означал, что важнейшими компонентами ПС должны были быть физическая сила и другие формы принуждения. По мнению некоторых авторов, ПС — это набор институтов, обслуживающего персонала и законов, наделяющих ее способностью к выработке потребностей, постановке задач, их обеспечению и механизмов реализации этих задач⁷.

Условно ПС разбивали на две идеальные группы: «безгосударственные» (ацефальные) и «государственные» (т. е. с центральной вождеской или царской властью). Первые основывались по большей части на родстве или «сегментарной» инфраструктуре и в очень малой степени на принуждении. А во-вторых, родственные связи существовали наряду с территориальными и протоклассовыми структурами. Но такое государство следовало определять как «примитивное», «традиционное» или «племенное», так как очевидно, что оно значительно отличалось от современного европейского. И именно колониальная экспансия последнего создала ситуацию, которая фактически позволила антропологам изучать такие неевропейские «государства». Если современные государства, безусловно, основаны на монополии применения (или угрозе применения) физической силы, то для архаических был характерен консенсус, обусловленный идеологическим фактором⁸.

Наиболее известные исследования сегментарных ПС были связаны с нуэрами Судана и талленси Северной Ганы. У нуэров ПС состояла из 11 «племен», включивших целую иерархию всевозможных сегментов в соответствии с принадлежностью к кланам или возрастным классам. По разным причинам, но главным образом в силу враждебности сегменты либо дробились, либо, напротив, объединялись. Мирное или военное решение конфликтов зависело от характера кланства в том или ином сегменте, причем ритуальное посредничество в их решении брал на себя «вождь леопардовой шкуры», который мог действовать лишь уговором, но не силой⁹. Такое понимание ПС у нуэров уже вызвало критику за свою статичность и за смещение идеологической модели с реальным поведением. По мнению Л. Хоули, «если рассматривать политику у нуэров с точки зрения человеческой деятельности, то более плодотворно видеть в ней систему сменяющих друг друга вражды и дружбы между индивидами, пытающимися удовлетворить свои экономи-

ческие интересы и политические амбиции ... Как система действий их политическая система не является сегментарной линиджной системой»¹⁰.

Хотя ПС у талленси и рассматривали как негосударственную, на самом деле она является окраинной частью крупного централизованного государства Мампругу. Намоос, которые структурно противостояли местным талис, происходили из среды завоевателей, пришедших из центральной части Мампругу. И политические взаимоотношения между этими двумя подразделениями ПС талленси были основаны на связях родства (линидж, клан, семья), а также на ритуальной практике, связанной с культом предков, тотемизмом и ежегодными празднествами¹¹.

Такую классификацию, основанную на выделении двух идеальных типов ПС, позднее критиковали за механицизм, схематизм и антиисторизм. Так, на примере Бирмы Э. Лич показал, что один тип ПС может без труда превращаться в другой и наоборот¹². Э. Саутолл предложил концепцию «сегментарного государства», основанного одновременно на государственных и ацефальных принципах¹³. Кроме того, было установлено, что сегментарные ПС гораздо более многообразны, чем первоначально считалось, так как некоторые общества организованы на основе кварталов внутри поселков или же возрастных классов¹⁴. М. Смит предложил перенести акцент с ПС на характер управления обществом как на процесс, который регулирует общественные интересы народа или группы¹⁵. А. Шапера выдвинул концепцию «политической общины» как основной ячейки ПС, объединяющей как родичей, так и неродичей¹⁶. Л. Мэар отметила, что связи между членами возрастных групп «прорезают» границы родственных сегментов и как бы цементируют политическую общность¹⁷. По единодушному мнению многих авторов, небольшие архаические политические структуры строились на основе родства и ритуала, но некоторые специалисты полагают, что роль ритуала в этом до сих пор переоценивалась.

В отличие от того, что происходит в современных государствах, члены архаических ПС не воспринимали политику как нечто обособленное от других социальных субсистем. Парадоксально, что акцент на холический характер ПС сделал эту концепцию мишенью для критики как одновременно и редукционистскую, и эволюционистскую.

Подойдя по-своему к этой проблеме, Ф. Бейли отметил, что в ПС необходимо видеть процесс адаптации политической структуры к окружающей среде, причем ПС состоит из обоих этих компонентов. По его мнению, индивиду следует отводить роль политического посредника¹⁸. Со своей стороны, норвежский антрополог Ф. Барт представлял себе политику почти исключительно в свете взаимоотношений между индивидами и группами. Его хорошо известные работы по патанам Свата в Северо-Западном Пакистане показали, что политические альянсы возникают в ходе разного рода обменов, контактов, в результате сознательного выбора и в условиях применения силы¹⁹. При этом такая ПС сохраняла свое динамическое равновесие, и ей даже удавалось стать основой определенного рода племенных государств.

Проблему жесткости понятия ПС невозможно решить путем выработки каких-либо новых концепций типа «раннего государства», включающего три эволюционных подтипа: первоначальное, типичное и переходное²⁰. На самом деле создавать какие-либо типологии ПС чрезвычайно трудно и даже бесполезно. Гораздо интереснее изучать суть политических процессов в архаических обществах. Последние работы, посвященные царской власти, показывают, что сакральность последней напрямую связана с применением силы²¹. Можно считать, что государство возникает в результате насилия (особенно войны), но длительное существование иерархической ПС во времени невозможно понять, не изучая идеологию, которая узаконивает социальное устройство, основанное на неравенстве. В этом отношении первостепенное значение имеют ритуалы, символы власти, государственные религии. Выработка в людях примирения с системой господства и подчинения является, по-видимому, более важным моментом, чем экономическое или политическое насилие²². Сакрализация правителя, власть которого обязана своим происхождением завоеванию, значительно облегчает процесс объединения разных социальных сегментов в единую систему с центральной администрацией. Царь — символ такого единства.

В дальнейшем реальное многообразие и контекст ПС нашли свое отражение в работах этнографов, изучавших Меланезию и выдвинувших концепцию «большого человека», который в тех условиях, исполняя роль посредника, представлял собой единственный политический институт. Обычно это был физически и интеллектуально выдающийся человек, который привлекал сторонников путем успешной манипуляции с материальными богатствами или престижными символами. Статус большого человека был связан с его собственными достижениями в отличие от вождества или «классических» сегментарных обществ, где статус, как правило, давался по рождению²³. Вокруг «великих людей» типа воинов, шаманов, охотников или производителей соли возникал особый тип ПС²⁴. Другой полюс представляли собой общины охотников и собирателей с их особыми ПС с неформальным лидером и отсутствием стабильных иерархий²⁵.

В современной антропологии и этнологии концепция ПС исчерпала себя, так как она предполагала жесткость и наличие строгих границ для явлений, которые на самом деле отличались подвижностью и изменениями. На смену этой концепции сейчас приходят иные темы, например политическая культура, под которой понимается взаимодействие внутри социального поля, не имеющего четких границ. В отличие от «традиционной» ПС здесь речь идет о совершенно иной концептуализации и практическом применении власти²⁶. Трибализм, национализм, этничность и религиозные движения приобретают иное звучание, если их анализировать в русле концепции, предполагающей такое «открытое» поле для исследований методами политической антропологии. Хотя многие антропологи и этнологи и в дальнейшем будут использовать концепцию ПС, настоящее сравнительное исследование политической культуры и значения политического фактора в еще большей мере свидетельствует о том, что данная концепция устарела.

- ¹ African Political Systems / Ed. Fortes M., Evans-Pritchard E. E., L. 1940.
- ² Kuper A. Anthropology and Anthropologist. The Modern British School. L., 1983.
- ³ Cannon W. B. The Wisdom of the Body. N. Y., 1963.
- ⁴ Parsons T. The Social System. Glencoe, 1951.
- ⁵ Easton D. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. N. Y., 1953.
- ⁶ Eisenstadt S. N. Primitive Political Systems // Amer. Anthropol. 1959. V. 61. P. 200—220; *idem*. The Political Systems of Empires. N. Y., 1963; Almond G. A., Bingham Powell G. Comparative Politics: A Developmental Approach. Boston. 1966.
- ⁷ Polholm C. P. Four African Political Systems. Englewood Cliffs, 1970.
- ⁸ Skalnik P. On the Inadequacy of the Concept of Traditional State (Illustrated by Ethnographic Material on Nanun, Ghana) // J. Legal Pluralism and Unofficial Law. 1987. V. 25—26. P. 313—338.
- ⁹ Evans-Pritchard E. E. The Nuer. L., 1940.
- ¹⁰ Holy L. Nuer Politics // Segmentary Lineage Systems Reconsidered / Ed. Holy L. Belfast, 1979. P. 23—48.
- ¹¹ Fortes M. The Dynamics of Clanship Among the Tallensi. L., 1945; *idem*. The Web of the Kinship Among the Tallensi. L., 1949.
- ¹² Leach E. The Political Systems of Highland Burma. A Study of Kachin Social Structure. L., 1954.
- ¹³ Southall A. Alur Society. A Study in Processes and Types of Domination. Cambridge, 1956.
- ¹⁴ Tribes Without Rulers / Ed. by Middleton J., Tait D. L., 1958.
- ¹⁵ Smith M. G. On Segmentary Lineage Systems // J. Royal Anthropol. Inst. 1956. V. 86. P. 39—80.
- ¹⁶ Schapera I. Government and Politics in Tribal Societies. L., 1956.
- ¹⁷ Mair L. Primitive Government. Harmondsworth, 1962.
- ¹⁸ Bailey F. G. Stratagems and Spoils. Oxford, 1969.
- ¹⁹ Barth F. Political Leadership Among Swat Pathans. L., 1959.
- ²⁰ The Early State / Ed. Claessen H. J. M., Skalnik P. The Hague, 1978.
- ²¹ Adler A. La mort est le masque du roi. La Royauté sacrée des Moundang du Tchad. P., 1982; de Heusch L. The Drunken King or the Origin of the State. Bloomington, 1982; Izard M. Gens du pouvoir, gens de la terre. Les Institutions politiques de l'ancien royaume du Yatenga (Bassin de la Volta Blanche). Cambridge, 1985; Muller J.-C. Le roi bouc émissaire. Pouvoir et rituel chez les Rukuba du Nigeria Central. Quebec, 1980; Guerres de lignage et guerres d'Etats en Afrique / Ed. Bazin J., Terray E. P., 1982.
- ²² Clusters P. The Society against the State. N. Y., 1977; Godelier M. The Mental and the Material. Thought, Economy and Society. L., 1986.
- ²³ Private Politics. A Multi-Disciplinary Approach to «Big-Man» Systems / Ed. van Bakel M., Hagesteijn R., van de Velde P. Leiden, 1986.
- ²⁴ Godelier M. The Making of Great Man. Cambridge, 1986.
- ²⁵ Politics and History in Band Societies / Ed. Leacock E., Lee R. Cambridge, 1982.
- ²⁶ The Anthropology of Power / Ed. Adams R. N., Fogelson R., L., 1977.

© 1991 г., СЭ, № 3

М. В. Золотухина

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ В США В ИССЛЕДОВАНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ УЧЕНЫХ*

1970—1980-е годы в США отмечены небывалым ростом интереса к изучению институтов семьи и брака. Вопросы воспроизводства населения и его социализации, экономического положения американских семей, изменения в статусе женщины и связанное с этим новое распределение ролей в семье и обществе стали предметом острых политических и общественных дебатов. Ученые США уделили большое внимание проблеме взаимодействия государства и семьи, поиску альтернативных программ, отличных от тех, которыми занимается американское правительство.

На наш взгляд, советскому читателю было бы интересно ознакомиться с несколькими последними работами американских специалистов. Первые две из них отражают обобщенный опыт иссле-

* В данной статье основной акцент сделан на семье белого населения США. В одном из следующих номеров журнала выйдет статья Э. Л. Нитобурга «Негритянская семья в США глазами американских этносоциологов».